

**Арина
Ларина**

*Впусти
в своё сердце
любовь!*

Счастье малое, домашнее

РОМАН

Арина Ларина

Счастье малое, домашнее

«ЭКСМО»

2015

Ларина А.

Счастье малое, домашнее / А. Ларина — «Эксмо», 2015

Не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку – фенека, того самого пустынного лиса, который учил Маленького Принца быть в ответе за тех, кого приручил, презентовала Ольге Викторовне очередная девица сына Коленьки. Зачем? Чтобы подольститься к его маме и надёжно укорениться в их состоятельной семье. Коля маму не расстроил, с девицей быстро расстался. А вот мама с экзотическим мимишкой расставаться не собиралась. Ему же нужны внимание, любовь и ласка! Кому – сыну или питомцу – маменька уточнять не стала, подыскивая няньку: молодую, образованную и красивую. И вот в дверь их дома позвонила стройная блондинка...

© Ларина А., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Арина Ларина

Счастье малое, домашнее

© Ларина А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Дорога втекала под колёса мощного внедорожника, как коктейль в трубочку – стремительно и шумно. Изумрудная стена деревьев, перемежаемая маленькими деревеньками, голубыми зеркалами водоёмов и сказочно-жёлтыми полями ещё не созревших одуванчиков, с курьерской скоростью проносилась за окном. Полуголые дачники, разморенные неожиданной жарой, лениво ползали вдоль трассы в совершенно немислимых нарядах. Контраст с городом был разительным.

Буквально полчаса назад Николай ехал вдоль вылизанных, сверкающих европейским шиком витрин, мимо горожан в летних костюмах, мимо стильных девушек, застревающих шпильками в плавящемся асфальте, и тут нате вам, как холодное после горячего – эти самые дачники. То на новеньком велосипеде едет нимфа килограммов под сто в фривольном топе. При этом её филейная часть пикантно свисает по бокам крохотного велосипедного сиденья, а арбузные груди вибрируют так, что проезжих водителей бросает в пот. То устало шагает по обрамлённой ромашками тропинке усатый дядька с громадным пивным пузом, при этом пузо у него голое, а футболкой любитель пива заботливо укутал голову – чтобы не напекло. То дети бегут в одних трусах, а некоторые и вовсе без трусов. И только юные барышни в минимуме одежды на фоне этой нудистской вакханалии смотрятся позитивно. Можно даже сказать – услаждают взор.

Николай довольно ухмыльнулся, в очередной раз уткнувшись в пешеходный переход, через который, не спеша и повиливая круглыми попками, шли две подружки в шортиках-мини и мало что скрывавших маечках.

– Ух, – констатировал взбодрившийся мачо, наблюдая за юными феями. Феи щебетали, как канарейки, выдавая по сто слов в минуту и не замечая ничего вокруг. А вот зря, он бы мог их подвезти, хотя... Нет, не стал бы. Одно дело – посмотреть со стороны, полюбоваться, а совсем другое – заводить какие-то знакомства, запускать девиц в машину.

Отчего-то вспомнилась одна из его приятельниц, однажды решившая, что дама с крысой – это оригинально и модно. Купив белоснежную крыску, мадам стала таскаться с нею повсюду и в один прекрасный день припёрлась к Николаю под каким-то выдуманном предлогом. Именно тогда Коля и понял, зачем ей крыса. Эта белая, хвостатая зараза с пронзительным писком заметалась по квартире, после чего забилась хрен знает куда и затихла. Хозяйка начала активно заниматься поисками, ползая по полу, отклячивая зад и принимая такие позы, что Николая чуть кондратий не хватил. Даже при том, что хозяйка крысы его не сильно интересовала как женщина, поиски животного внесли коррективы в их отношения, и непоправимое чуть было не случилось. Но хозяин апартаментов, как и всякий джентльмен, опасющийся далеко идущих последствий, решил не идти на поводу у рефлексов и остаться джентльменом.

Так вот прекрасная половина человечества с некоторых пор напоминала Николаю именно этого активного грызуна, который ни в какую не желал в тот вечер убираться из его квартиры, старательно прячась в труднодоступных местах.

Налицо был когнитивный диссонанс, когда ясно, что без девиц нельзя, а с ними – тяжело. Но первое перевешивало второе.

Нельзя сказать, что Николай Борисович Гордиенко, владелец довольно крупной строительной фирмы, занимавшейся загородными коттеджами, был таким уж любителем дам. Откровенно говоря, женский пол для него представлялся чем-то невероятно загадочным, инопланетным и скорее опасным, нежели привлекательным. То ли дам он выбирал как-то неправильно, то ли по закону подлости попадались ему исключительно стервозные особы, но, кроме постоянной головной боли, нервов и солидных трат, девушки в последнее время у него более

ни с чем не ассоциировались. Тем не менее против физиологии не попрёшь, поэтому барышни в его жизни присутствовали. Для услаждения взора и поддержания формы.

...За подружками, пыхтя и страдальчески шаря по окрестностям взглядом, скачками двигалась грудастая дама в съехавшей набок панаме. Над ядовито-зелёными шортами, обтягивавшими её богатырские ляжки, нависала внушительная складка загорелого живота. Дама волокла велосипед, орущего ребёнка лет трёх, вздувшийся, как аэростат, пакет и при этом ногой пыталась подгрести тощего, голенастого пацана, который брёл, уткнувшись носом в телефон.

Дачная романтика во всей красе. Женщина за городом, наслаждающаяся природой...

Как дальновидный мужчина «слегка за тридцать», Гордиенко догадывался, что любая хорошенькая куколка со временем запросто может превратиться вот в такое несчастное создание, потому и мысль о женитьбе его чрезвычайно пугала. Женишься, а потом получишь сказку про «Царевну-лягушку» с точностью до наоборот. Возьмёшь в жёны царевну, а проснёшься наутро после свадьбы с лягушкой.

За пыхтящей дамой с отпрысками прошли две селёдки среднего возраста. Шли они, специально не торопясь, причём одна с вызовом поглядывала на покорно замерший у перехода автомобиль, мол, ну, стой-стой, тебе там с кондиционером хорошо, потерпишь. Вторая, кажется, пыталась строить водителю глазки. За селёдками на дорогу вышел всклокоченный мужик, тащивший на поводке сенбернара в кепке. Кепка была примотана к громадной собачьей башке верёвочкой, образывавшей на макушке кокетливый бантик. Пёс брёл, как гружёная лошадь-тяжеловоз, вывалив язык, а хозяин периодически заботливо поливал его из бутылки.

Николай начал раздражаться. Здесь, кажется, никто никуда не спешил. Народ ползал, как обожравшиеся вареньем мухи – вальяжно и расслабленно.

Немудрено, что его деятельная маменька довольно быстро наелась загородной жизнью и начала капризничать. Гордиенко посигналил собаководу, чтобы тот поторапливался, и медленно тронулся. Так перед этим переходом можно до вечера простоять, мама там совсем озвевает.

Маму Николай уважал, любил и немного побаивался. Не так, чтобы коленки тряслись, а в том смысле, что лучше, когда она не ругается. Потому что ругаться родительница умела виртуозно. Даже не ругаться, а отчитывать. Она ровным голосом выговаривала претензии, клеймя позором и словно вбивая чахлый гвоздик в податливое дерево.

Глава 2

Когда совсем ещё не старая и активная женщина выходит на пенсию, в её жизни всё переворачивается с ног на голову. И если за какое-то время до пенсии ей кажется, что это невероятное счастье – сидеть дома, никуда не торопиться и попивать утренний кофе, просматривая свежие газеты, то как только вожделенный рубеж оказывается перейдён, выясняется, что всё не так радужно, как представлялось вначале.

Первые же месяцы сидения на пенсии ошеломили Ольгу Викторовну однообразием и скукой.

Так неопытная девушка, страстно стремящаяся замуж и мечтающая, как в этом самом «замуже» её будут носить на руках, осыпать подарками и щебетать о своей любви, однажды сталкивается с реальностью, обнаружив, что принц требует кислых щей «как у мамы», пачкает бельё, посуду и носки (причём последние он ещё и разбрасывает по квартире в художественном беспорядке) и считает, что место женщины у очага с половником в одной руке и орущим дитём – в другой. Разочарование – это самое меньшее, что ожидает размечтавшихся дам любого возраста. Зачастую несбывшиеся надежды чреваты всякими болячками, депрессиями и необдуманными поступками, приводящими к ещё более серьёзным проблемам.

Опыт – великая вещь. Его недостаёт не только юным дурачкам, но и умудрённым годами бабушкам.

Впрочем, бабушкой Ольгу Викторовну назвать было сложно. Выглядела она на все свои пятьдесят шесть, но при этом была ухожена, хорошо одета и уверена в завтрашнем дне. Это как раз то, что кардинально отличает замученную бытом даму средних лет от такой же дамы без материальных проблем. Ах, если бы только всем блёклым тёткам можно было бы выдать денег на стилиста, визажиста, стоматолога и заменить их унылых мужей-диванодавов на что-то чуть более интересное! Но, увы, нет в мире справедливости.

Деньги у Ольги Викторовны имелись. Но они далеко не всегда являются эквивалентом счастья. Мадам Гордиенко не хватало вкуса к жизни. Он как-то пропал, всё вокруг стало пресным, скучным и неинтересным.

Она всю жизнь проработала в школе. Сначала учителем, потом завучем. На глазах Ольги Викторовны выросли и уходили в большую жизнь целые поколения. Она наблюдала, как маленькие, очаровательные первоклашки вырастают в довольно разношёрстный коллектив, растеряв с годами очарование, а зачастую и совесть.

Что было в её жизни раньше? Толпы родителей – с подарками, просьбами, претензиями. Комиссии – с выговорами, благодарностями и требованиями. Коллеги – со склоками, сплетнями, любовью и ненавистью. И всё это в одночасье оборвалось из-за какого-то паразита, который заснял в кафе день рождения директора.

Директор Ольге Викторовне нравился. То есть как нравился – роман у них был. Не бурный, но вполне симпатичный. Директор был слегка моложе и далеко не мачо, Ольга Викторовна – опытна и снисходительна, в общем, они нашли друг друга. Причём нашли давно, благодаря чему она и стала завучем. В коллективе все об этом знали, но никто особо громко не возражал.

Ольга Викторовна была дамой видной, крупной, с роскошными формами и породистым лицом. Волосы цвета «платиновый блондин» она укладывала в старомодную халу, но причёска эта ей чрезвычайно шла и не только не выглядела допотопной, но и смотрелась весьма оригинально. Некоторые старшеклассницы даже стали её копировать. Директору внимание столь достойной дамы льстило, поэтому все жили дружно и счастливо. Мужа у завуча давным-давно не имелось. Её супруг, фанатичный археолог и бабник, постоянно пропадал в экспедициях с молоденькими студентками, но Ольга Викторовна терпела ради сына. Продолжалось это до

тех пор, пока одна из студенток не взяла научного руководителя в оборот и не развела его с женой. Сыном бывший муж не интересовался, алименты платил копейные, а после достижения Колясиком совершеннолетия и вовсе пропал. Поговаривали, что где-то в Греции он, бросив свою студентку, в очередной раз женился и осел у Эгейского моря. В общем, ничто не мешало спокойному и необременительному служебному роману Ольги Викторовны. И вот в прошлом году Ренат Лабушкин, оторва и последняя дрянь, изволивший педагогов и чуть что жаловавшийся своей скандальной мамашке на притеснения, по дикому стечению обстоятельств оказался рядом с маленьким кафе, где директор отмечал юбилей. Педагоги – они тоже люди. И, между прочим, не в школе пили, и не на ворованные деньги. Да – пели, да – плясали, да – перестарались. На следующий день видео с пьяненьким директором разошлось по ученикам, по родителям и по Сети. Ольга Викторовна бросилась к Лабушкину, требуя немедленно всё исправить. Она топала ногами, грозила оставить его без аттестата и испортить жизнь. В итоге жизнь заслуженному педагогу испортила мамаша Лабушкина. Ольге Викторовне посоветовали срочно свалить на пенсию, а директору – уволиться. Вот так в одночасье уважаемый педагог остался не у дел и в полной изоляции. Директор, надо сказать, повёл себя не по-рыцарски, трусливо перевалив вину на завуча: мол, он к ученику претензий не имел, это всё инициатива уважаемой госпожи Гордиенко.

– Мам, плюнь, – посоветовал тогда Колясик. – Деньги есть, живи да радуйся.

Деньги у сына, конечно, были. Но разве в них счастье? Да, когда жить на учительскую зарплату было тяжело, Ольга Викторовна мечтала, как однажды сможет и поесть нормально, и тряпочку модную купить. А сейчас сын вырос, денег гребёт кучу, и хоть обожрись икрой и в соболя замотайся – ан нет, нужно что-то другое. Тем более что Николаю не всю жизнь с матерью куковать, появится женщина, мать станет лишней. Уж лучше заранее подготовить аэродром. И Ольга Викторовна отчего-то решила, что идеальным вариантом будет дом за городом. Мол, и для здоровья полезно, и внуки потом будут приезжать, и сама себе хозяйка.

Дом Колясик отгрохал будьте нате, дворец целый, как мама и хотела – на зависть всем соседям. И участок – красота писаная: с цветами, фонтанчиками и альпийскими горками. Девчонки с работы приезжали, ахали, завидовали, но Ольге Викторовне всё чего-то не хватало. Скучно ей было за городом, тоскливо. Жажда деятельности бурлила в крови и требовала выхода. И Николаю от этого бурления было уже дурно. Когда пенсионеру нечем заняться, он начинает активно вмешиваться в жизнь родных и близких, норовя нанести добро и причинить пользу.

– Давай я найду тебе хорошую девочку, – наседали Ольга Викторовна на сына. – А то мне тут скучно, я внуков хочу. И тебе пора уже подумать о семье. Тем более что если у вас не сложится, ты потом разведёшься и найдёшь себе другую. И чем раньше ты этим всем займёшься, тем лучше.

На возражения Николая, что он-де сам найдёт, маменька демонически хохотала, демонстрируя полнейшую уверенность в его несостоятельности по этому вопросу.

– Да что ты понимаешь в женщинах? – вопрошала она. – Ты в последние годы нашёл себе хоть одну хорошую девочку? Одни хищницы! Тебя все используют. А я найду хорошую, тихую, скромную, которая будет счастлива и благодарна нам всю жизнь.

Маму Николай любил, но терпел в последнее время с трудом, понимая, что если её срочно чем-то не занять, то спокойной жизни не будет. И эту самую тихую и благодарную она просто-таки насильно подложит ему в постель – и попробуй потом отвязаться от такого счастья. Объяснять родительнице, что ему нравятся сильные, самодостаточные женщины, Николай не рискнул. Ибо знал, что мама ответит. У неё были свои представления о будущей невестке, и никакие коррективы в свои представления она вносить не желала.

Николай чётко осознавал, что маман нужно переключить на что-то, пока она не занялась им всерьёз.

Сначала он решил приобщить маменьку к прелестям Интернета, льстиво намекнув, что женщина она молодая, современная, поэтому надо быть в тренде.

Ольга Викторовна тут же воодушевилась. Её последнее увлечение, фитнес, оказалось как-то не по возрасту. Она комплексовала среди молодых женщин и стеснялась приходивших в зал мужчин, до смерти переживая, что встретит там либо бывших учеников, либо их родителей.

– Колясик, это невозможно. Ты только представь, завуч – и вдруг в неглиже!

– Мамуся, ты же в костюме там ходишь, – напоминал Коля.

– А в бассейне? – напоминала маменька. – Это же будет форменный позор!

Но и это было не главным. Уже через пару минут занятий Ольга Викторовна чувствовала себя разбитой и полумёртвой. Составленная для неё программа нагрузок была явно даме не по силам. Она ощущала себя клячей, которую волки сутки гоняли по лесу – то есть шевелилась скорее на одном адреналине, каждый миг готовясь испустить дух.

На фоне спорта компьютер выглядел гораздо привлекательнее. Если уж первоклашки легко управляют с этим чудом современной техники, то человеку с высшим образованием не составит никакого труда разобраться что к чему.

Уже через пару дней маман начала названивать Николаю со стонами, что проще проплыть стометровку, чем разобраться с этой «адской машинкой». Так она именвала новенький компьютер. Лёшик, чахлый программист из фирмы Николая, временно прикреплённый к Ольге Викторовне, примерно в то же время начал проситься на волю, намекая, что подопечная необучаема. Она желала всё делать сама и понимать суть процессов, а Лёшик не представлял, как можно этой тётке объяснить в двух словах то, чему он много лет учился сначала в университете, а потом на работе.

В курилке, когда шефа не было рядом, Алексей веселил коллег рассказами про затейницу Ольгу Викторовну, доводившую его до нервных срывов и воскресных запоев.

– Я скоро успокоительные вместо пива начну пить, – жаловался Лёшик. – Я не представляю, как учителя в школе детей учат и при этом не убивают. У меня от неё перманентная истерика. Сидит, кивает, всё записывает, а потом выясняется, что ничего не услышала, не поняла, но тупой из нас двоих я. Я всё объясняю и делаю неправильно, потому что не разбираюсь. И диплом у меня, наверное, купленный. А комп мне трогать нельзя, я пароли украду! Или вирус запущу! Поэтому можно только объяснять, а она всё сама делает.

Добило Лёшу последнее воскресное общение с Ольгой Викторовной, у которой в очередной раз не работал Интернет.

– Алексей, вы в курсе, что здесь у всех тарелки?! – возмущённо заорала Ольга Викторовна, позвонив компьютерщику в семь утра в воскресенье.

В семь! Утра! В воскресенье!

Лёшик пальцами разлепил глаза и сел на диване, покачиваясь, как поплавок на волнах.

– Вы что молчите? Вы меня слышите? Аллё! – надрывалась Ольга Викторовна.

– Слышу, – просипел Лёша, пытаясь привести мозг в рабочее состояние.

Давным-давно у его отца были «Жигули», старая «копейка» с ржавым дном. И всякий раз, когда они пытались завести эту развалюху, мотор чихал, крутил вхолостую и издавал безнадёжные звуки, никак не похожие на то, что машина сможет завестись. Примерно так же сейчас на холостых оборотах пытался заработать Лёшин разум.

– Какие тарелки? – промычал он наконец. И сдуру добавил: – Летающие?

– Вы что, пьяны? – с металлом в голосе осведомилась Ольга Викторовна. Она умела разговаривать таким тоном, что позвоночник целенел, и в груди, помимо воли, нарастало чувство вины и какой-то детский «страх перед училкой».

– Не успел ещё, – буркнул компьютерщик. – Что за тарелки-то?

– Обычные! – презрительно процедила Ольга Викторовна. – Интернетные! Мне мужчина с соседней улицы сказал. У них Интернет нормально работает, потому что тарелка есть. Он мне может её продать!

– Ну, купите, – хмыкнул Лёша, мстительно представив, как шибко умный сосед будет объясняться с продвинутой юзершей. Но потом вспомнился шеф, и остатки сна мигом слетели. – Пошутил я. Не надо покупать. Нет никаких тарелок...

– Если вы о чём-то не в курсе, то это вовсе не означает, что этого нет, – менторским тоном отчеканила Ольга Викторовна.

Подавившись сочными эпитетами, так и капавшими ядом с языка, Лёша елейным голоском попытался наладить диалог:

– Скажите, а Интернет вы подключили? Ну ...э-э-э-э ...модем вставили?

– Ваш модем перестал подходить, он не лезет, – мрачно буркнула Ольга Викторовна.

– То есть как это? – Лёша аж зубами скрипнул. – Я только вчера у вас был, всё ...mmm ...лезло! Как он может не лезть? Куда он у вас не лезет?

– А куда, – легко оповестила его оппонентка. – Куда ни ткну – не всунуть.

У Лёши были ещё варианты для размещения модема, но он сдержался.

Прикинув, почему устройство может не вставляться в разъём, он решил, что мадам просто не сняла колпачок и суёт в гнездо закрытый модем. Она могла. Эта училка ещё и не такое могла.

– А колпачок вы сняли? – вежливо уточнил Лёшик.

– Нет! – рывкнула Ольга Викторовна. – В колпачке сажу, бубенчиками звякаю! Какой ещё колпачок?

– С модема, – всхлипнул Лёша, забившись в приступе беззвучного хохота.

– Вы там плачете? – насторожилась собеседница. – Модем, кстати, тоже без колпачка.

А я без Интернета.

– Сейчас приеду, – простонал Алексей. – Ждите.

А в понедельник он бухнулся в кабинете Николая Борисовича на колени и умолял снять с него заботы о директорской мамане.

– У меня нервная система расшаталась, не могу я! – причитал Лёшик.

Николай компьютерщику верил. Мама запросто могла довести до нервного срыва любого, даже глухонемого китайца.

Глава 3

Николай въехал на участок и сразу же увидел маменьку. Ольга Викторовна прогуливалась по дорожке в белой широкополой шляпе и деловито записывала что-то в блокнот. Ясно, опять изображала бурную деятельность. В посёлке имелся приходящий садовник, обслуживавший несколько участков, в том числе и мамин, на хозяйстве у Ольги Викторовны была домработница, в общем, самой хозяйке оставалось только руководить. Но после целой школы оголтелой ребятни и свившихся в змеиный клубок коллег резкий переход к руководству парой человек ввергал маменьку в депрессию. При этом ни в коем случае никто из соседей и знакомых не должен был заподозрить, что ей скучно и нечем заняться. Наоборот, все должны были считать, что мадам Гордиенко счастлива, довольна жизнью и страшно занята. Освоение просторов Интернета дало лишь временную иллюзию какого-то важного дела. Но разочаровавшись в новых технологиях, Ольга Викторовна вернулась на бренную землю и снова начала внимательно присматриваться к сыну. Что может быть важнее для любой матери, чем личная жизнь родного чада? А уж заниматься этой личной жизнью, распугивая охотниц за Колясиковыми деньгами, – одно удовольствие.

Именно этого Николай и опасался. Он хотел жить спокойно, без скандалов, разборок и просто работать. А ещё – отдыхать. Не опасаясь при этом, что в любой момент его рандеву с очередной подругой прервёт нашествие маман с пирожками, как уже было пару раз. Не мог же он отнять у неё ключи от квартиры!

Николай приехал к родительнице с новой идеей. Бог с ним, с Интернетом. Маме необходима точка для приложения сил, которая отвлекла бы её от сына. Внуков он ей в ближайшем будущем предоставлять не планировал, поэтому самым подходящим вариантом представлялось какое-то животное.

– Животное? – озадаченно переспросила Ольга Викторовна. – В каком смысле?

– В прямом, – терпеливо пояснил Колясик. – Какую-нибудь кошечку или собачку. Хочешь? Будет у тебя такая очаровашка бегать, любить тебя, облизывать, в глаза заглядывать.

– Не знаю, – с сомнением протянула маменька.

При слове животное в её мозгу сперва всплыл довольно размытый образ брутального самца в набедренной повязке, а потом и вовсе – карликовый бегемот.

Кошек она не любила. Не то чтобы терпеть не могла, а просто как-то равнодушно взирала на этих грациозных зверьков и недоумевала, как их можно обожать. Ну, мурлычет – и что? О ноги трётся, ластится. Прелесть, да. Но не ах-ах-ах. Собак она и вовсе побаивалась. Даже мелких. Причём мелкие вызывали у Ольги Викторовны даже больший страх, чем большие. Большие выглядели добрее и безобиднее, чем мелкие, трясущиеся собачонки, остервенело лаявшие на каждого встречного. Одну такую она как-то сдуру решила погладить. У собачки оказались зубы, как у щуки. Укушенный палец потом ещё долго ныл, а хозяйка даже не извинилась, отчитав пострадавшую, мол, нельзя чужих собак трогать, соображать надо.

В общем, идея завести дома кошку или собаку была маменькой категорически отвергнута.

– Я буду тогда как престарелая инфантилка с собачонкой или кошечкой. Это признак одиночества, признак того, что я никому, кроме этой четвероногой животинки, не нужна, – нахмурившись, выдала Ольга Викторовна. – Только одинокие старые девы заводят себе такого, кхм, друга. Я, может, ещё замуж выйду, а ты мне ерунду какую-то предлагаешь. Лучше внука мне заведи.

– Мама, я же сказал, – начал раздражаться Николай. – Об этом даже речи быть не может. Я не хочу никаких детей. И жены у меня даже в проекте нет...

– А вот это плохо для здоровья, – погрозила наманикюренным пальчиком маменька.

– Для здоровья у меня всё есть, – отмахнулся Николай. – Я не хочу это обсуждать.

– Как это «не хочу»? – заволновалась Ольга Викторовна. – Кто она?

– Мама, никто. Тебе это точно неинтересно. Это именно для здоровья.

– Вот не скажи. – Родительница аж стойку сделала, вытянув шею и насупившись. – Это ты думаешь, что всё хиханьки и несерьёзно, а женщины страшно коварны. Ты мявкнуть не успеешь, как она уже с животом и просится замуж. Поэтому даже для здоровья нужны такие девочки, которые потом, если что, могут и в качестве жены сгодиться. В самом крайнем случае. Ты предохраняешься?

– Мама! – взвыл Коля. – Мне тридцать один год, я уж как-нибудь сам разберусь! Давай мы купим тебе животину, и ты будешь ею заниматься. Пока вместо внуков. А когда появятся внуки, им будет не скучно.

– А когда появятся внуки? – бдительно вернулась к животрепещущей теме Ольга Викторовна.

– Фиг знает когда. В необозримом будущем, – порадовал её несознательный сын. – Так что по поводу кошечки или собачки?

– Это пошлость какая-то, – подумав, сказала мама. – Если б я была молода и беспечна, то я бы согласилась, а в моём возрасте это будет как-то стыдно. Вроде как справка об инвалидности, повешенная на пузо для всеобщего обозрения. В нашем посёлке только одинокие бабки выгуливают собачек. Потому что им больше заняться нечем.

– Давай купим тебе кошку. Её выгуливать не надо, – гнул свою линию Николай.

– Не хочу, – закапризничала мама. – Это банальщина. В домике старушка, на окошке – кошка. Сельпо какое-то. Мои девчонки сразу шушукаться начнут. Животное в моём возрасте – это как точка. Вроде жизнь продолжается, а точка уже поставлена. И всем ясно, что после этой точки уже ничего не будет.

– Что за бредовые теории? – У Николая аж брови на лоб полезли. – Миллионы людей покупают животных, никто их никакими точками не считает.

– А я считаю, – отрезала маман.

– Ладно. А если что-то экзотическое? – Коля страстно желал поделить мамино внимание с каким-нибудь зверем. А лучше – чтобы мама вовсе переключилась на нового подопечного, на время оставив сына в покое.

Ольга Викторовна задумалась. Это был хороший знак, поэтому Николай воспрял духом и начал ковать железо, пока горячо:

– Да, экзотическое, необычное. Для понта, как нынче говорят. Чтобы никто не посчитал это какой-то там пенсионерской точкой в твоей яркой и насыщенной жизни. Что-то эдакое, интересное, понимаешь? Чтобы ты выглядела оригинально. Согласен, фраза «у меня есть кошка или собака» звучит банально. А, например, у меня питон! Как тебе?

– По башке как дам сейчас, – вздрогнула родительница. – Покупай сразу кобру, чтобы долго не мучиться.

– Согласен, со змеей идея так себе, – не стал пререкаться Николай. – А карликовый пони?

– Лошадь?

– Мам, пони! Маленький!

– Колясик, меня пугает твоя фантазия. Где я его держать буду? Хочешь, чтобы он мне тут копытами по полу цокал? – Ольга Викторовна сердито дёрнула бровью.

– Птички? – не унимался Коля, но тут же сам и забраковал своё предложение: – Не, фигня какая-то. Рыбки тоже. Это не питомец, а декорация скорее. Слушай, а маленький крокодильчик? Крошечный!

– Такое чувство, – задумчиво изрекла маменька, – что ты прорабатываешь варианты, как от меня попроще избавиться, свалив всё на несчастный случай.

– Мам, – взмолился Колясик, – ну не начинай! Я ж для тебя стараюсь!

– Колясик! Для меня – это внуки! Я хочу внуков, ясно? И невестку. Только выбрать её я должна сама!

– Мама, это питомца ты будешь выбирать сама, – рыкнул сынуля. – А жену я уж без тебя выберу. Тем более что лично мне она не нужна! И дети её тоже!

– Дети должны быть не её, а твои, – фыркнула мама. – И вообще. С чего тебе стуканула в башку эта бредовая идея с животным?

– Я хочу, чтобы у тебя появился внукозаменитель, – проворчал Николай. – Хотя бы на время. А как насчёт хорька? Кстати, можно муравьеда завести, они милые. И хорошо поддаются дрессировке. Или коалу! Хочешь коалу? Он всё время спит и не напрягает!

– Мне название не нравится, – подумав, выдала Ольга Викторовна. – И на кой он мне, если он всё время спит? Тем более – это медведь. Медведя не хочу.

– Мам, это отдельный вид. Даже учёные ещё не определились, относить коалу к медведям или нет. – Коля устало потёр переносицу, пытаясь вспомнить ещё каких-нибудь животных.

– А девушка у тебя сейчас есть? – неожиданно перевела разговор маменька.

– Есть. А при чём тут моя девушка?

– Колясик, привези мне лучше свою девушку вместо муравьеда, – простодушно улыбнулась родительница. – Я её буду дрессировать.

– Господи, мама! – взвыл Николай. – Мы же договаривались, девушками я тебя больше не напрягаю.

– А ты напряги.

– Нет уж, – отрезал Коля.

Его заботливая мама действовала на представляемых ей девиц как дихлофос на тараканов. После встреч с Ольгой Викторовной барышни пропадали из жизни Николая раз и навсегда. Как и любой педагог, она была немного психологом, поэтому знала, как отделаться от неугодных ей дам. Даже если те готовы были лечь костью, но заполучить её Колясика и его кошелёк. Причём Ольга Викторовна была убеждена, что кошелёк их всех интересовал гораздо больше, чем её сын.

С чего она это взяла, было совершенно непонятно. Николай Гордиенко, конечно, красавцем не был, но девушкам нравился. Высокий, широкоплечий, с бычьей шеей, крупными, резкими чертами лица, неулыбчивый, мрачноватый и чрезвычайно харизматичный именно из-за нешаблонной внешности. Как известно, девочкам нравятся плохие мальчики, а Гордиенко выглядел скорее как очень плохой мальчик, чем как выпускник Кембриджа. Если такого одеть в спортивный костюм и выпустить погулять в неблагополучном районе, то гопники гарантированно будут обходить его стороной.

Ольга Викторовна была уверена, что сын выглядит породисто и чрезвычайно похож на потомка княжеского рода, а барышни считали, что он просто бандит, доросший до бизнесмена. И их это не смущало, а, наоборот, интриговало. Но недолго, так как в дело вмешивалась предполагаемая свекровь и рушила любые matrimониальные планы сынулиных подруг.

Последняя девица, как удалось выяснить Николаю, сбежала, так как Ольга Викторовна «по секрету» сообщила ей, что «Колясик если и врежет, то потом оплачивает и лечение, и протезы, и реабилитацию, а врезать он может, так как лекарства не принимает и к психиатру на приёмы не ходит, но в общем и целом он мальчик очень положительный». На закономерный вопрос сына «зачем?» Ольга Викторовна невозмутимо заявила, что у его новой подружки хищный взгляд, низковатый лоб, плохое воспитание и поговорить с ней не о чем. То, что у неё длинные ноги, красивая грудь, в постели она очень даже хороша, а разговаривать с нею об искусстве и политике Коля не планировал, маму, разумеется, не интересовало. После той истории и беседы на повышенных тонах они и договорились, что Николай девушек к маме больше не возит.

Глава 4

Солнце жарило совершенно по-южному. Страшно хотелось на море. Ходить по пляжу в крохотном бикини, кокетничать, загорать и наслаждаться жизнью. Чтобы играла музыка, мужчины обжигали взглядами, а любимый осыпал подарками и обещал звёзды с неба, жемчуг со дна морского и чёрта лысого за поцелуй. Мужики вообще горазды обещать, когда им что-то нужно от дамы. Но, как правило, добившись желаемого, они поголовно впадают в маразм, жалуются на склероз и никаких обещаний в упор не помнят. Поэтому умные девушки предпочитают пусть и забывчивых, но щедрых. Таких, которые хотя бы компенсируют свой склероз обещанными подарками, а не твердят как упрямые ослы, что ничего такого не говорили.

С мужчинами вообще было сложно, особенно со щедрыми. В фильмах они демонстрируются целыми косяками, в любовных романах описываются один другого краше, а выйди на улицу – одна ерунда вокруг бродит уценённая, как в супермаркете на распродаже – с дефектами и недостатками. И в итоге приходится брать не то, о чём мечталось, а то, в чём набор дефектов меньше.

Алиса была реальным положением вещей безгранично разочарована. Ладно, в их маленьком посёлке алкаш на алкаше, и из богатых только дистрофичный сынок владельца поселкового супермаркета. Но чтобы в огромном мегаполисе, который, судя по фильмам, просто-таки должен был кишеть роскошными женихами, красивой девушке не найти нормального кавалера – это нонсенс!

Девушкой Алиса была более чем красивой. Вернее, лицо у неё было обычное, но при хорошем макияже оно преображалось, превращая хозяйку в кинозвезду. Фигура тоже на пять баллов. Да, с извилинами было так себе – не Софья Ковалевская, в аттестате одни тройки, да и те с натягом. Но образование – оно для страшилок, им больше-то мужика взять нечем. Барышня была уверена, что покорит этот город с полпинка.

Как бы не так.

Таких «покорительниц» тут было по две штуки на квадратный метр площади. Сочные, грудастые, старательно причёсанные и приодетые нимфы толпились в клубах, на модных тусовках, премьерях и в прочих местах скопления мужчин.

Только вот мужчины были «фи».

Если молодой и стильный, то чаще спец не по девушкам, а по мальчикам. Если не спец по мальчикам, то уже при жене, да не старой и страшной, а такой же молодой и красивой. Да ещё и с выводком любовниц. Если не молодой и не красивый, то либо тоже при молодой красивой жене и том же выводке любовниц, либо вообще ничего не может, либо извращенец, либо опять же спец по мальчикам.

Никто не нёсся к Алисе с предложением руки, сердца и бриллиантового кольца. И если у себя в посёлке она была первой красавицей, то здесь – лишь одной из многих. Даже моделью её не взяли. Ладно моделью, официанткой в дорогой ресторан – и то не взяли! Сказали, что простовата, здоровата и не в тренде.

Но не возвращаться же обратно!

Алиса желала всё и сразу, она привыкла быть победительницей, поэтому не сдавалась до последнего. Наверное, именно за своё иступлённое упорство и готовность идти по головам она и была вознаграждена знакомством с Николаем Гордиенко.

Конечно, получилось не совсем романтично, но хоть получилось.

В ту ночь Алиса вышла из клуба злая как чёрт. Количество геев на вечеринке зашкаливало. Девиц, отлавливавших холостых и симпатичных, или просто холостых и при деньгах, тоже была туча. Але не повезло. Хорошо хоть для девушек вход был бесплатным, а на коктейли она не тратилась – денег не было. Всякий раз, когда она ни с чем тащилась на окраину, где она

снимала койкоместо, – в жуткое, похожее на барак общежитие с туалетом во дворе, хотелось плакать. Из атмосферы праздника, ароматов дорогих духов, атрибутов шикарной жизни окутаться в нищету и убожество – то ещё испытание.

Метро уже не ходило. Или ещё не ходило.

В любом случае зря она выкатилась на улицу так рано. Но другого выхода не было, назревал мордобой. Какие-то местные девахи с южным говорком весьма неоднозначно намекнули, что переломают Алисе ноги, если она не свалит с чужой поляны. А ведь ей только-только повезло: подвернулся какой-то блёклый сморчок в дорогом костюме – пьяный в хлам, а потому сговорчивый. И тут налетели эти местные с губами-варениками и захапали кисельного кавалера себе.

Она стояла на пронизывающем ветру, притопывая шпильками, и пыталась не заплакать. И тут подкатил Николай. В прямом смысле – подкатил. На машине. Он опустил окно и спросил:

– Холодно?

– Очень, – осторожно согласилась Алиса, но тут же добавила: – Я к вам не сяду.

– Боишься? – понимающе закивал водитель.

– Боюсь, – не стала спорить девушка. Вот если бы он вышел из клуба, то она бы села, а тут со стороны приехал, мало ли что. Никаких приключений Алиса не хотела.

Она банально желала найти парня, выйти замуж, родить ребёнка и осесть в городе. Но при этом никакой рай в городском шалаше барышню не устроил бы. Она хотела жить богато, не как родители, и не как все её знакомые.

А для этого нужен был соответствующий муж, не абы какой. И уж точно не ночной бомбила на джипе. Хотя джип у него был недешёвый, просто очень грязный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.